

Научная статья

УДК 903.01, 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-5-35-51

Палеолитические клады поздней ушковской культуры Камчатки

Александр Юрьевич Федорченко¹

Наталья Евгеньевна Белоусова² ✉

Екатерина Владимировна Левина³

^{1,2} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

³ Северо-Восточный комплексный
научно-исследовательский институт имени Н. А. Шило
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Магадан, Россия

¹ winteralex2008@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

² consacer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

³ katlevina2002@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6616-5754>

Аннотация

Представлены результаты исследования четырех закрытых скоплений каменных изделий – кладов, выявленных в культурном слое VI многослойного памятника Ушки I на Камчатке. Исследование базируется на систематизации опубликованных и архивных материалов, а также на технологическом, типологическом и пространственном анализе идентифицированных в коллекции артефактов. Установлено, что клады демонстрируют вариабельность состава и функционального назначения: производственный характер (наборы стандартизированных преформ микронуклеусов, технологические комплекты для расщепления), охотничий инвентарий (наконечники стрел, ножи, абразивы) и смешанные варианты. Сопоставление кладов с «охотничьи сумками» из погребений слоя VI выявило их типологическое сходство, подтверждающее практику депонирования личного и производственного инвентаря. Интерпретация наиболее крупного клада № 1 осложнена состоянием источников, однако присутствие гематита расширяет круг возможных значений этой практики. Установлено, что депозиты каменного инвентаря поздней ушковской культуры отражают сложную систему ландшафтного хранения ресурсов, характерную для высокоподвижных коллективов охотников-собираателей поздней ушковской культуры, а их концентрация на поселении Ушки I указывает на его ключевую роль в сезонных миграциях древнего населения Камчатки.

Ключевые слова

Камчатка, верхний палеолит, стоянка Ушки I, поздняя ушковская культура, клады, пространственный анализ, технологический анализ

Благодарности

Описание материала и контекстуальные исследования выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0010 «Каменный век Северной Азии: культурный и экологический контекст» (исполнители – А. Ю. Федорченко, Н. Е. Белоусова). Анализ архивных источников, региональные и межрегиональные корреляции реализованы при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00319-П «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии», <https://rscf.ru/project/22-18-00319/> (руководитель – А. И. Лебединцев, исполнитель – Е. В. Левина).

Для цитирования

Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Левина Е. В. Палеолитические клады поздней ушковской культуры Камчатки // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 5: Археология и этнография. С. 35–51. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-5-35-51

© Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е., Левина Е. В., 2026

Paleolithic Cashes of the Late Ushki Culture of Kamchatka

Alexander Yu. Fedorchenko¹, Natalia E. Belousova² ✉
Ekaterina V. Levina³

^{1,2} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

³ Northeast Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N. A. Shilo
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Magadan, Russian Federation

¹ winteralex2008@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

² consacer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

³ katlevina2002@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6616-5754>

Abstract

Purpose. The article presents the results of a study of four closed accumulations of stone artifacts – caches – identified in Layer VI of the multilayered Ushki I site in Kamchatka. The research is based on the systematization of published and archival materials, as well as on technological, typological, and spatial analyses of the artifacts identified in the archaeological collection.

Results. It has been established that the caches demonstrate variability in composition and functional purpose: production-related (sets of standardized preforms of microcores, technological kits for knapping), hunting tools (arrowheads, knives, abrasives), and mixed variants. A comparison of the caches with the “hunting bags” from the burials of Layer VI revealed their typological similarity, confirming the practice of depositing personal and production equipment. The interpretation of the largest cache (no. 1) is complicated by the state of the sources; however, the presence of hematite broadens the range of possible meanings of this practice.

Conclusion. It has been determined that the depositions of lithic inventory of the Late Ushki culture reflect a complex system of landscape storage of resources which is the characteristic of highly mobile hunter-gatherer groups, and their concentration at the Ushki I settlement indicates its key role in the seasonal migrations of the ancient population of Kamchatka.

Keywords

Kamchatka, Upper Palaeolithic, Ushki I site, Late Ushki culture, caches, spatial analysis, technological analysis

Acknowledgements

The descriptions of the material and contextual studies were carried out within the framework of a research project of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (project No. FWZG-2025-0010), “The Stone Age of Northern Asia: Cultural and Ecological Context” (executors – A. Yu. Fedorchenko, N. E. Belousova). The analysis of archival sources and regional and interregional correlations was supported by a Russian Science Foundation grant No. 22-18-00319-II, “Genesis of Ancient Cultures of the Extreme North-East of Asia”, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00319/> (supervisor – A. I. Lebedintsev; executor – E. V. Levina).

For citation

Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E., Levina E. V. Paleolithic Cashes of the Late Ushki Culture of Kamchatka. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 35–51. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-5-35-51

Введение

Многослойный памятник Ушки I, расположенный в Центральной Камчатке, занимает особое место в палеолитоведении Крайнего Северо-Востока Азии, сочетая высокую информативность археологических материалов с их фрагментарной изученностью [Федорченко, 2025]. Масштабные полевые работы 1961–1991 гг., реализуемые под руководством Н. Н. Дикова, позволили выявить здесь несколько обширных разновременных поселений [Диков, 1977]. На основе их исследования была реконструирована последовательная смена двух оригинальных верхнепалеолитических культур [Диков, 1979]. Установлено, что одним из ключевых эпизодов заселения полуострова в финальном плейстоцене стало распространение носителей поздней ушковской культуры, зафиксированной на поселении культурного слоя VI (далее – к. с. VI) памятника Ушки I. Исключительная научная значимость этого объекта

определяется масштабом полевых исследований: изученная площадь составила свыше 5 200 кв. м, выявлено 40 наземных и углубленных жилищ, а также два погребения [Диков, 1993].

Особое место в структуре поселения к. с. VI занимают объекты, рассматриваемые в отечественной археологической литературе как клады. Изолированные концентрации неслучайных наборов изделий неоднократно отмечались Н. Н. Диковым, а часть из них, зафиксированная в зоне жилищ и межжилищных пространств, была опубликована как клады-тайники [Диков, 1977, с. 58; 1993, с. 28; Диков, Кононенко, 1990, с. 73–75]. Сохранившиеся контекстуальные сведения о таких комплексах и их содержании характеризуются неизбежными лакунами в описании и неоднозначностью интерпретаций, что открывает возможности для детализации и расширения представлений об этих редких явлениях, а также для более широкого их обсуждения. Как закрытые комплексы с набором преднамеренно отобранных и сокрытых человеком предметов эти собрания служат важным источником для изучения хозяйственных, технологических и символических аспектов жизнедеятельности верхнепалеолитических охотников-собираателей [Дервянко, Рыбин, 2003; Табарев, 2011; Колесник, 2012; Мандрыка и др., 2018].

Настоящее исследование было направлено на реконструкцию поведенческих особенностей древних сообществ поздней ушковской культуры, связанных с созданием кладов. Достижение цели предполагало анализ, верификацию и систематизацию опубликованных и архивных источников, а также исследование доступных археологических материалов из кладов с позиций технологического, типологического и пространственного анализа.

Материалы исследования

Представленное исследование базировалось на анализе и систематизации полевой документации и археологической коллекции к. с. VI стоянки Ушки I. Источниковую базу составили материалы из археологических фондов и экспозиций СВКНИИ ДВО РАН (Магадан) и ККОМ (Петропавловск-Камчатский), а также полевые отчеты Н. Н. Дикова из Научно-отраслевого архива ИА РАН (Москва) и научного архива СВКНИИ ДВО РАН, фотоматериалы, иллюстрации, полевые записи, планы на миллиметровой бумаге из личного архива исследователя. Существенным фактором, осложнившим решение поставленных задач, стала фрагментация коллекций периода раскопок Н. Н. Дикова: за прошедшие десятилетия часть артефактов к. с. VI была утрачена, а часть разделена между фондами различных научных и музейных учреждений.

Объектом исследования выступили четыре комплекса к. с. VI, которые, согласно наблюдениям Н. Н. Дикова и нашей интерпретации, обладают ключевыми признаками кладов (см. таблицу). Под кладами в представленном исследовании понимались компактные, пространственно изолированные скопления каменных артефактов, углубленные или иным образом обособленные относительно основного уровня культурного слоя [Леонова, Виноградова, 2014; Гирия и др., 2018].

Клад № 1 был выявлен в 1962 г. в рамках начального цикла полевых исследований стоянки Ушки I и является наиболее насыщенным – более 500 артефактов. Клад описан Н. Н. Диковым как набор «каменных листовидных наконечников прекрасной выделки», скрытых в зоне межжилищного пространства [Диков, 1977, с. 58]. Первоначально объект был отнесен к древнейшему из изученных на данном этапе подразделений – к. с. IV (Диков Н. Н. Отчет..., 1963, с. 20) (в актуальной нумерации – слой V). Основанием для этого послужила глубина залегания более 1,7 м от современной поверхности, на 0,2–0,3 м ниже слоя вулканического пепла VI, интерпретируемого по современным данным как тефра вулкана Шивелуч (индекс – Ш₈₃₀₀, 8 300 некал. л. н.) [Кренке и др., 2011]. По мере расширения раскопочных площадей и прояснения стратиграфического и планиграфического контекстов на участке культурно-

Клады поздней ушковской культуры на памятнике Ушки I
Cashes of the Late Ushki culture at the site of Ushki I

№ п/п	Год	Контекст	Содержание	Источник
1	1962	Межжилищное пространство, кв. 4-Е	Крупные и мелкие листовидные наконечники ($n = 10$), листовидные бифасы ($n = 2$), отщепы и обломки ($n > 561$), обломки гематита ($n = 1$)	Диков, 1963, с. 20; Диков, 1977, рис. 11
2	1971	Рядом с углубленным жилищем № 21, кв. 13/14–Ж/Е	Клиновидные микронуклеусы ($n = 2$), лыжевидные сколы ($n = 2$), абразивы ($n > 3$), отщепы ($n > 15$), фрагменты костей животных ($n = 1$)	Диков, 1972, с. 38, 49
3	1979	Углубленное жилище № 5, кв. 10-б	Абразивы с желобком ($n = 2$), мелкие листовидные наконечники ($n = 1$), ножи из сланцевой плитки ($n = 1$)	Диков, 1980, с. 24, рис. 65, 70, 71
4	1983	Углубленное жилище № 9, кв. 25-ф	Преформы клиновидных микронуклеусов ($n = 12$)	Диков, 1984, с. 22, рис. 83–87

хронологическая атрибуция клада изменилась: в более поздних публикациях комплекс рассматривается уже в рамках структур к. с. VI и отмечен на всех планах этого слоя (см., например: [Диков, 1977, рис. 11; 1993, рис. 8]). Современное состояние полевой документации и характер маркировки находок 1960-х гг. не позволяют идентифицировать предметы из клада № 1 в музейных собраниях; их описание далее приводится по данным архивных источников (Диков Н. Н. Отчет..., 1972, с. 38; 1974, с. 58). Детальные планы клада и сведения о взаимном расположении артефактов в его пределах отсутствуют.

Клад № 2 был зафиксирован в 1971 г. вблизи одного из углубленных жилищ поселения и включал серию артефактов, связанных с микропластинчатым производством. В опубликованных источниках сведения об этом объекте отсутствуют, а сам он никогда не интерпретировался Н. Н. Диковым в качестве клада. Краткая информация о комплексе, включая план и обобщенный состав находок, приведена в полевом отчете исследователя (Диков Н. Н. Отчет..., 1972, с. 38, 49). На сегодняшний день предметы данного собрания в музейных фондах не идентифицированы.

Клад № 3, найденный в 1979 г. в пределах полуземлянки, включал небольшой набор предметов, связанных с охотничьей деятельностью. Представленная в печати характеристика объекта ограничивается кратким упоминанием в одной из монографических работ автора раскопок [Диков, 1993, с. 28]. Более развернутое описание, иллюстрации, план и данные о структуре объекта содержатся в полевом отчете (Диков Н. Н. Отчет..., 1980, с. 24, рис. 65). Артефакты идентифицированы в коллекциях фондов СВКНИИ ДВО РАН и ККОМ; все они были изучены в рамках настоящей работы.

Клад № 4 был обнаружен в 1983 г. и на сегодняшний день наиболее широко освещен в научной литературе. Скопление из двенадцати преформ клиновидных микронуклеусов было определено как тайник, устроенный «в виде ниши в стенке коридора в жилище № 9» [Диков, 1993, с. 28]. Впервые состав комплекса и его археологический контекст были охарактеризованы в статье, посвященной трасологическому анализу клиновидных микронуклеусов слоя VI [Диков, Кононенко, 1990]. Результаты исследования указывали на многофункциональность преформ: на пяти изделиях выявлены следы от обработки шкур, на четырех – от разделки мяса. Впоследствии эти изделия также неоднократно упоминались в опубликованных источниках в контексте обсуждения технологий торцово-клиновидного расщепления [Кирьяк, 2005, с. 80, табл. 112; Табарев, 2008] или древнейших кладов Северо-Тихоокеанского региона [Tabarev et al., 2021]. Технологический анализ пяти преформ, выполненный Я. А. Гомес Кутули, выявил их вариабельность в рамках метода Юбецу, обусловленную различиями в способах оформления ударной площадки [Gómez Coutouly, 2011]. В настоящее время изделия хранятся в фондах СВКНИИ ДВО РАН и ККОМ и были изучены авторами работы.

Результаты исследования

Объект № 1 выявлен в 1962 г. в кв. 4-Е на участке межжилищного пространства в северной части поселения к. с. VI, в трех метрах к северо-северо-востоку от границ углубленного жилища № 3 [Диков, 1977, рис. 11]. Яма овальной в плане формы, чашевидная по профилю, размерами 0,7 × 0,6 м в верхней части, была засыпана грунтом с пережженными осколками неопределенных костей [Диков, 1963, с. 20]. Согласно данным автора раскопок, в составе заполнения этого углубления зафиксировано свыше 574 каменных артефактов. Наиболее выразительную группу составляют 12 орудий, выполненных из черного и полупрозрачного обсидиана, темно-серого и черного кремнистого сланца, серого кремня, черного глинистого сланца. Среди них – крупные ($n = 1$) и мелкие ($n = 9$) целые (33,3 %) и фрагментированные (66,7 %) листовидные наконечники и бифасиально обработанные ножи ($n = 2$). Остальное – отщепы и обломки, интерпретируемые автором раскопок как отходы производства ($n > 561$); приводимая сырьевая характеристика орудий и отходов полностью совпадает. Коллекцию

дополняет крупный обломок гематита [Диков, 1963, с. 21]. Анализ коллекций слоя VI и сопоставление с опубликованными графическими рисунками позволяют предположить, что с кладом № 1 могут быть связаны отдельные выразительные бифасиальные формы, введенные в научный оборот в 1960–1970-х гг. и не имеющие однозначной привязки к исследованным в этот период жилищам [Диков, 1969, рис. 8, 1–6; 1976, рис. 10, 10].

Таким образом, содержимое объекта представляет собой мотивированный набор разнотипных целых и сломанных специализированных охотничьих и универсальных орудий, а также, вероятно, продуктов их производства. Орудия выполнены на разнообразном каменном сырье в рамках единой производственной стратегии. Если, следуя автору раскопок, рассматривать отходы производства и обломок гематита как органичную часть клада, а не засыпки, следует отметить неутилитарное назначение части набора. Отсутствие в структуре поселения к. с. VI аналогичных массовых скоплений наконечников подчеркивает неслучайный характер подборки инвентаря.

Клад № 2 обнаружен в 1971 г. в северной части поселения слоя VI на участке кв. 13/14-Ж/Е, в непосредственной близости к западной границе углистой площадки наземного жилища № 21 (Диков Н. Н. Отчет..., 1972, с. 49). Находки располагались в яме яйцевидной в плане формы размером 1,8 × 1,2 м и глубиной 0,5 м. Основное скопление артефактов, зафиксированное в центре ямы на ее дне, включало не менее 15 отщепов, несколько абразивов из песчаника, два клиновидных микронуклеуса, а также два лыжевидных скола, снятых с этих нуклеусов (Диков Н. Н. Отчет..., 1972, с. 38). В заполнении также обнаружен мелкий фрагмент кости животного. Состав набора свидетельствует о его селективном характере. Комплекс объединяет разнотипные артефакты утилитарной направленности (нуклеусы, заготовки, абразивы), связанные единой производственной задачей – получение микропластин и иных заготовок в рамках микрорасщепления. Сведения о сырье отсутствуют. Таким образом, вещественный состав клада отражает его «производственный» и бытовой характер.

Клад № 3 был выявлен в 1979 г. в центральной части поселения к. с. VI на участке кв. 10-б; располагался в северо-западной части углубленного жилища № 5 (рис. 1, А). Объект представлен округлой в плане ямой диаметром 0,4 м и глубиной до 0,35 м; дно ямы имеет коническое сужение книзу (Диков Н. Н. Отчет..., 1980, рис. 65). По данным автора раскопок, скопление артефактов прослеживалось у одного из бортов ямы и включало четыре плотно и субвертикально уложенных изделия: абразивы с желобком, листовидный наконечник и нож из сланцевой плитки (Диков Н. Н. Отчет..., 1980, с. 24, рис. 70, 71).

Два плоско-выпуклых абразива с продольным желобком выполнены из отдельностей вулканической пемзы желтовато-коричневого цвета (рис. 1, Б, 1, 2). Для изделий характерны подовальная форма в плане, плоско-выпуклое поперечное сечение и прямой продольный профиль. Их размеры составляют 57,4 × 32 × 27,5 и 60,8 × 29 × 26,8 мм. На плоской поверхности каждого артефакта зафиксирован одиночный продольно ориентированный желобок длиной от 55,8 до 60,8 мм, шириной 4,7–6,3 мм, глубиной 1–1,5 мм. Близость морфометрических параметров данных изделий, а также их совместное залегание позволяют предположить использование абразивов в качестве парного инструмента. Минимально поврежденный наконечник узкой листовидной формы с закругленным основанием выполнен из высококремнистой породы темно-серого цвета. Изделие характеризуется уплощенно-линзовидным сечением, прямым профилем и размерами 33,5 × 9,9 × 4,0 мм. Значение индекса удлиненности (l / w) составляет 3,39, индекса уплощенности и массивности (w / t) – 2,47. Одна из боковых граней артефакта почти полностью удалена продольным резцовым сколом, направленным от кончика к основанию, что рассматривается как характерный признак контакта метательного наконечника с костной тканью животного при попадании [Yaroshevich et al., 2010]. Нож сегментовидной формы с прямым профилем и уплощенным плоско-выпуклым сечением изготовлен из пластинчатого фрагмента сланцеватой породы. Рабочее лезвие локализовано на одном из продольных краев и оформлено мелкой краевой ретушью; на противоположном

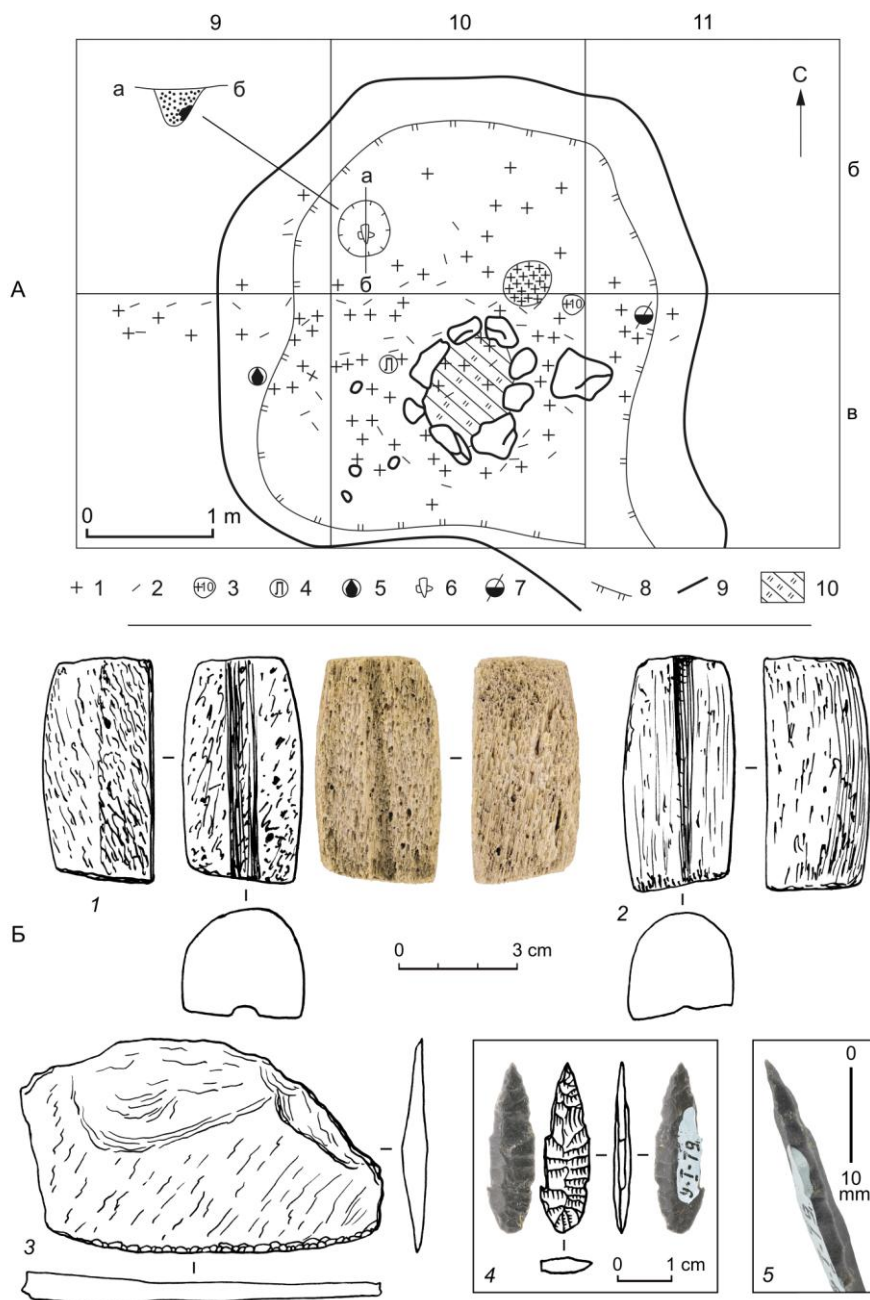

Рис. 1. Клад каменных изделий из жилища № 5, культурный слой VI, 1979 г.:

А – план жилища с расположением клада № 3 (1 – отщепы; 2 – микропластины; 3 – скопление отщепов; 4 – лыжевидные сколы; 5 – листовидные наконечники; 6 – скопление артефактов из клада; 7 – фрагмент ножа; 8 – границы углистого пятна; 9 – границы жилища; 10 – костная масса в очаге);

Б – артефакты из клада (1, 2 – абразивы с продольными желобками; 3 – нож из сланцевой плитки; 4 – листовидный бифасиально обработанный наконечник; 5 – метательный износ на листовидном наконечнике)

(по: (Диков Н. Н. Отчет..., 1980, рис. 65, 70, 71), с изменениями; фото Е. В. Левиной)

Fig. 1. Cache of stone artifacts from dwelling No. 5, cultural layer VI, 1979:

A – dwelling plan showing the location of cache no. 3 (1 – flakes; 2 – microplates; 3 – concentration of flakes; 4 – ski-spalls; 5 – leaf-shaped points; 6 – concentration of artifacts from the cache; 7 – knife fragments; 8 – boundaries of the charcoal stain; 9 – dwelling boundaries; 10 – bone mass in the hearth);

B – artifacts from the cache (1, 2 – abrasive stones with longitudinal grooves; 3 – knife made from a slate slab; 4 – leaf-shaped bifacial point; 5 – projectile impact fracture on the leaf-shaped point)

(after: (Dikov N. N. Report..., 1980, fig. 70, 71), with modifications; photo by E. V. Levina)

продольном крае зафиксированы следы аккомодации, представленные серией уплощающих сколов. Размеры изделия составляют $93,5 \times 55,3 \times 7,2$ мм. Набор, таким образом, можно описать как подборку разнотипных изделий утилитарной направленности – целых специализированных охотничьих и универсальных орудий, выполненных на разном каменном сырье и связанных единым видом деятельности. Типологический состав клада отражает его «охотничий» характер, а также бытовое назначение.

Клад № 4 обнаружен в 1983 г. в южной части поселения к. с. VI на участке кв. 25-ф в полуземлянке № 9 (рис. 2). Налицо неслучайный характер предметов – клад содержал серию из 12 преформ для клиновидных нуклеусов. Скопление было зафиксировано при разборе жилища в мешаной серовато-желтой супеси заполнения коридорной впадины, на 0,05–0,15 м выше углистого пола (рис. 3). По мнению Н. Н. Дикова, обнаруженные изделия могли выпасть из тайника в стенке коридора полуземлянки после разрушения постройки (Диков Н. Н. Отчет..., 1984, с. 22). Все преформы выполнены из идентичной тонкораскристаллизованной вулканогенной породы темно-серого цвета (рис. 4, 5). Изделия характеризуются прямым продольным профилем и удлиненным подтреугольным поперечным сечением. Преформы в плане преимущественно сегментовидные (50 %), реже асимметрично-листовидные (25 %) и полулунные (25 %). Длина изделий составляет 93,0–126,5 мм (медианное значение – 103 мм), ширина – 50,5–66,0 мм (медианное значение – 57,5 мм), толщина – 12–20 мм (медианное значение – 17 мм). Значение индекса уплощенности и массивности (w / t) преформ варьирует от 2,65 до 4,50, при медианном значении 3,27. Широкие стороны изделий оформлены крупными уплощающими снятиями, края дополнительно подправлены двусторонней субпараллельной краевой и захватывающей ретушью. Две преформы несут негативы частичного удаления инициальных реберчатых сколов и снятия единичных узких микропластин. Подготовка ударных площадок предполагала использование различных приемов: одним сколом на всю длину изделия (50 %), только латеральными сколами (16,67 %), двумя удлиненными встречными сколами (16,67 %). В отдельных случаях зафиксировано оформление площадки одним удлиненным сколом и серией коротких снятий с одной из латералей (8,33 %) или использование естественной поверхности с частичной подправкой снятиями со стороны одной из латералей (8,33 %).

Предметы клада представляют собой селективный набор однотипных изделий строгой утилитарной направленности. Они выполнены из одинакового каменного сырья в рамках единой производственной стратегии с соблюдением стандартных пропорций и метрических параметров. Типологический состав комплекса отражает его «производственный» и отчасти «сырьевой» характер, а также бытовое назначение. Расположение клада внутри другого закрытого комплекса – жилища-полуземлянки – подчеркивает высокую ценность сокрытого содержимого для владельца и, вероятно, его намерение держать набор в зоне быстрого доступа. Макроскопическое исследование одной из преформ позволяет предположить наличие следов неутилитарного износа: на обеих широких сторонах, на удалении от краев, зафиксирована равномерная сглаженность и истертость межфасеточных ребер. Подобные следы нередко интерпретируются как результат транспортировки изделий в кожаном мешке или сумке [Гиря и др., 2018]. Полученные данные актуализируют вопрос о верификации ранее выполненных трасологических заключений, согласно которым данные преформы рассматривались как орудия для разделки промысловой добычи.

Морфометрические и технологические характеристики артефактов из кладов полностью коррелируют с индустриальным комплексом поздней ушковской культуры, представленным в многочисленных жилищах и погребениях поселения слоя VI памятника Ушки I. Первичное расщепление этой культуры базировалось на «юбецоидной» технологии утилизации клиновидных нуклеусов, выполненных из бифасиальных преформ и ориентированных на получение микропластин в технике отжима. Диагностичный набор орудий-маркеров поздней ушковской культуры, отличающий ее от более ранних верхнепалеолитических и последующих

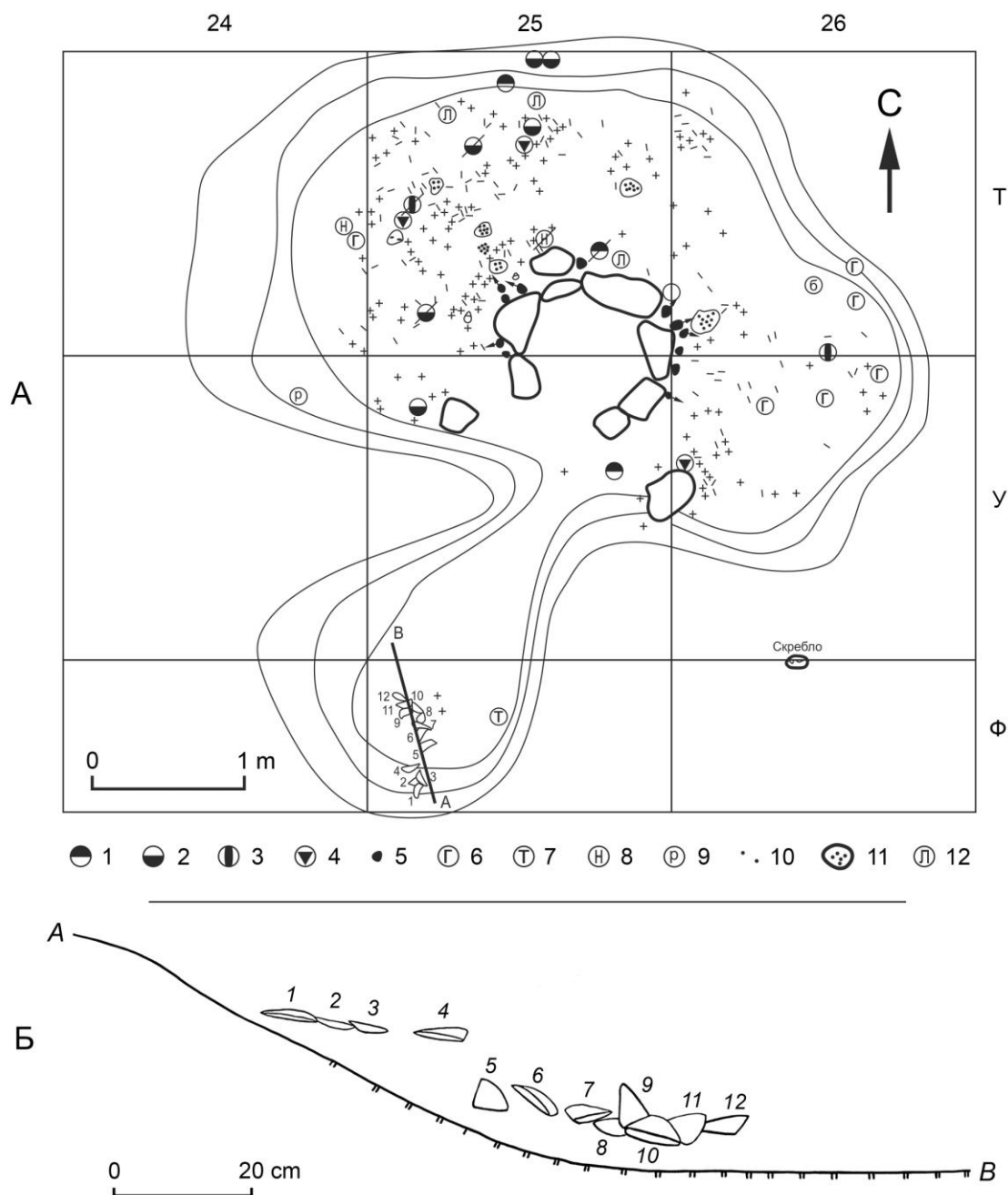

Рис. 2. Клад бифасов из жилища № 9, культурный слой VI, 1983 г.:

А – план жилища с расположением клада № 4 (1 – ножи; 2 – скребки; 3 – наконечники стрел; 4 – клиновидные микронуклеусы; 5 – ямки от кольев; 6 – фрагменты гематита; 7 – абразивы; 8 – нуклеусы; 9 – резцы; 10 – отщепы; 11 – скопления мелких отщепов; 12 – лыжевидные сколы);

Б – расположение бифасов относительно пола коридора жилища (YZ-проекция, вид с северо-востока-востока) (по: (Диков Н. Н. Отчет..., 1984, рис. 83, 86а), с изменениями)

Fig. 2. Cache of bifaces from dwelling no. 9, cultural layer VI, 1983:

A – dwelling plan showing the location of cache no. 4 (1 – knives; 2 – scrapers; 3 – arrowheads; 4 – wedge-shaped microcores; 5 – stake holes; 6 – hematite fragments; 7 – abrasive stones; 8 – cores; 9 – burins; 10 – flakes; 11 – concentrations of small flakes; 12 – ski-spalls);

B – location of bifaces relative to the dwelling corridor floor (YZ projection, view from the northeast-east) (after: (Dikov N. N. Report..., 1984, figs. 83, 86a), with modifications)

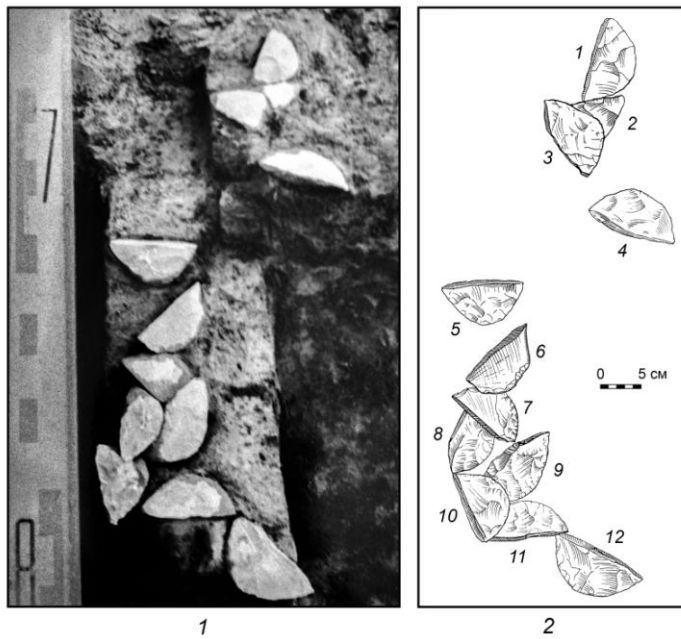

Рис. 3. Клад бифасов из жилища № 9, культурный слой VI, 1983 г.:

1 – бифасы in situ в коридоре жилища;
2 – прорисовка бифасов в условиях залегания в слое (вид сверху)
(по: (Диков Н. Н. Отчет..., 1984, рис. 85, 86), с изменениями)

Fig. 3. Cache of bifaces from dwelling no. 9, cultural layer VI, 1983:

1 – bifaces in situ in the dwelling corridor;
2 – drawing of bifaces in their depositional context within the layer (top view)
(after: (Dikov N. N. Report..., 1984, fig. 85, 86), with modifications)

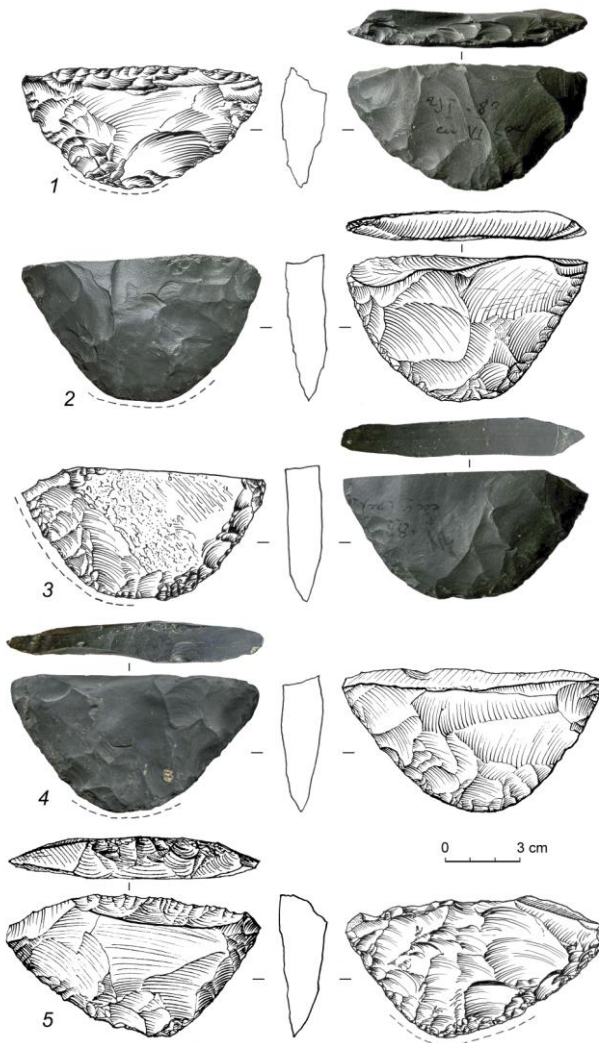
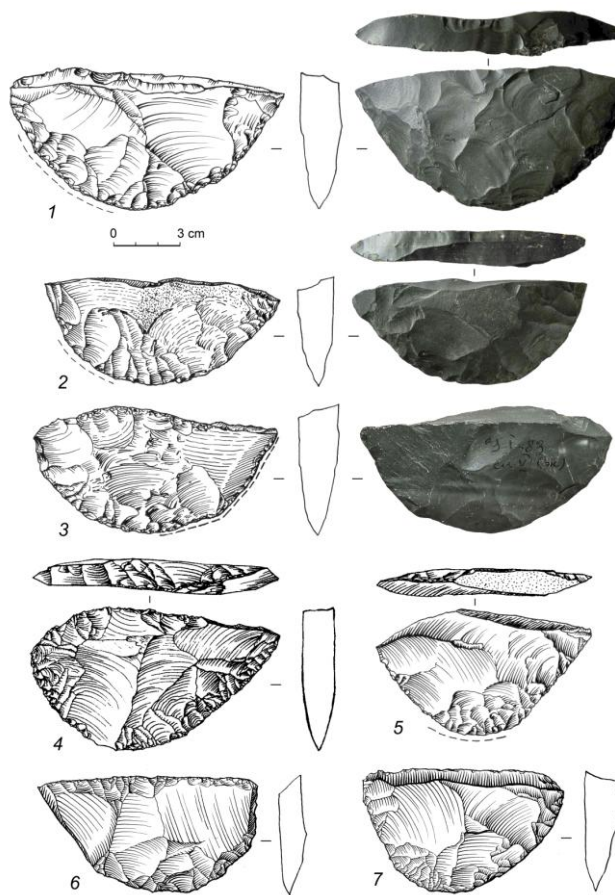

Рис. 4. Бифасиальные преформы клиновидных микрокнуклеусов из жилища № 9, культурный слой VI, 1983 г. (рисунки Л. Н. Коршковой; фотографии: 1, 3 – по: [Gómez Coutouly, 2011, fig. 6.52, 6.53]; 2, 4 – А. Ю. Федорченко)

Fig. 4. Bifacial preforms of wedge-shaped microcores from dwelling no. 9, cultural layer VI, 1983 (drawings by L.N. Korshkova; photographs: 1, 3 – after: [Gómez Coutouly, 2011, fig. 6.52, 6.53]; 2, 4 – by A. Yu. Fedorchenko)

Рис. 5. Бифасиальные преформы клиновидных микронуклеусов из жилища № 9, культурный слой VI, 1983 г. (рисунки Л. Н. Коршковой (1–3, 5–7) и К. В. Штерн (4); фотографии: 1, 2 – по: [Gómez Coutouly, 2011, fig. 6.51, 6.53], 3 – А. Ю. Федорченко)

Fig. 5. Bifacial preforms of wedge-shaped microcores from dwelling no. 9, cultural layer VI, 1983 (drawings by L. N. Korshkova (1–3, 5–7) and K. V. Shtern (4); photographs: 1, 2 – after: [Gómez Coutouly, 2011, fig. 6.51, 6.53]; 3 – by A. Yu. Fedorchenko)

мезолитических традиций региона, включает крупные и мелкие листовидные наконечники стрел, бифасиальные ножи, ножи из сколов и естественных плиток сланцеватых пород, диагональные и боковые резцы, концевые скребки и скребла высокой формы, абразивы с продольным желобком [Диков, 1979; Федорченко, Белоусова, 2020; Федорченко, 2025]. Отсутствие следов охры, украшений или артефактов с выраженным символическим подтекстом, а также приуроченность большинства кладов к жилым структурам поселения не позволяют интерпретировать выявленные скопления как ритуальные подношения. Это дает основания рассматривать их в первую очередь как производственные и хозяйственные клады.

Обсуждение и заключение

В контексте верхнего палеолита Крайнего Северо-Востока Азии клады каменных изделий как категория археологических объектов известны в настоящее время только на поселении поздней ушковской культуры памятника Ушки I.

Вещественный состав кладов отражает различия в функциональном назначении наборов, что позволяет выделить несколько групп. Наиболее выразительным примером клада производственного типа, связанного с обработкой каменного сырья, выступает объект № 4. Он представляет собой узкоспециализированный запас стандартных бифасиальных заготовок для микрорасщепления, выполненных в единой технологической манере. В культурах начального дзёмона Японии аналогичные наборы бифасиальных преформ из однотипного сырья рассматриваются как отражение стратегии долговременного хранения ресурсов мобильными охотничьими коллективами [Tabarev et al., 2021]. Иную картину демонстрирует клад № 2. Он также связан с микрорасщеплением, но включает типологически разнообразные предметы – микронуклеусы, снятые с них заготовки, отщепы, инструменты для расщепления.

Подобная комбинация, вероятно, близка по своему характеру к так называемым «ранцевым наборам», известным на верхнепалеолитических стоянках Сибири и Восточной Европы [Колесник, 2016; Барков, Колесник, 2024].

В отличие от предыдущих комплексов, специализированных для микрорасщепления, содержимое кладов № 1 и 3 демонстрирует связь с охотничьей деятельностью. В кладе № 3 все предметы – нож, наконечник стрелы и абразивы для обработки древков – несут следы утилизации, что, вероятно, указывает на их принадлежность к личному инструментарию охотника. Интерпретация клада № 1, на первый взгляд близкого по содержанию, осложнена фрагментарностью его описания в источниках и невозможностью установить стадию изготовления орудий. Здесь зафиксировано более пятисот предметов, преимущественно мелких отщепов, которые могли представлять собой преднамеренно уложенный инвентарь либо, что нельзя полностью исключить, попасть в яму при засыпке. Нахождение в структуре клада отходов производства, связанных с недоработанными или готовыми орудиями, может свидетельствовать о производственном характере собрания, позволяя интерпретировать его как скрытый запас полуфабрикатов. Если же отходы расщепления кладу не принадлежат, а орудия новые или изношены, определение комплекса меняется: он может быть оценен как индивидуальный набор охотника. Присутствие в кладе крупного фрагмента гематита – сырья для минеральной краски, связь которого с производством наконечников или охотничьей деятельностью неочевидна, расширяет проблемы интерпретации. Клады, связанные с готовыми бифасами и их заготовками, хорошо известны в палеоиндейских комплексах Северной Америки. Считается, что они отражают практику хранения сырья и полуфабрикатов в условиях высокой мобильности охотничьих коллективов. Нередко такие подборки рассматриваются как престижные – символы статуса или «дары», маркирующие социальные связи и высокий уровень мастерства их изготовителя [Табарев, 2011]¹.

Анализ полевой документации и многочисленных планов поселения свидетельствует о широком распространении в пределах к. с. VI разнообразных концентраций каменных артефактов. Большинство из них, однако, не обладает признаками искусственной изолированности относительно культурного слоя; в большинстве случаев такие концентрации формировались в результате самых обычных процессов жизнедеятельности на поселении. В то же время в структуре поселения присутствуют несколько оригинальных и детально задокументированных объектов, по смысловому наполнению близких к анализируемымкладам. Речь идет об обособленных и компактно уложенных наборах артефактов, связанных с коллективными погребениями и интерпретированных Н. Н. Диковым как «охотничьи сумки» [Диков, 1993]. За годы исследования памятника Ушки I зафиксировано пять подобных скоплений в рамках двух погребений. Так, сумка № 1 из захоронения № 1 представляла собой компактное скопление подпрямоугольной формы, состоявшее из нескольких десятков предметов, уложенных в несколько слоев у западного борта могилы, над черепом индивида № 1. В состав сумки входили крупные зубы грызуна, прикрытые каменной плиткой и остроконечным отщепом, три листовидных наконечника, три сверленные подвески, а также микропластины (Диков Н. Н. Отчет..., 1974).

В погребении № 2 выявлено четыре сумки (№ 2–5) [Диков, 1993]. Сумка № 2, размещенная плашмя на дне могилы в ее юго-восточной части, содержала скребло, бифасиальный наконечник, фрагмент листовидного бифаса, сколы с ретушью, абразивы из песчаника и фрагмент гематита со следами обработки. Сумка № 3, уложенная на дно погребения и приклоненная с наклоном к южной стенке могильной ямы, включала абразивы с продольным желобком, два бифаса, скребло, землекопное орудие, ретушированные сколы, а также расколотую на две части плитку и обломок поделочного камня зеленого цвета. На высоте 0,2–0,3 м над основной концентрацией находок, у западного борта ямы, зафиксированы еще две сумки

¹ См. также: *Kilby J. D. An Investigation of Clovis Caches: Content, Function, and Technological Organization. Unpublished doctoral dissertation. Albuquerque: Department of Anthropology, Uni. of New Mexico, 2008.*

(№ 4 и 5), состоявшие из 12 и 16 артефактов соответственно. В составе сумки № 4 выявлены плоско-выпуклые желобчатые абразивы (часть из которых уложена попарно), клиновидный микронуклеус, мелкий бифасиальный наконечник и отщеп с ретушью. Сумка № 5 содержала четыре аналогичных парно уложенных и три отдельно расположенных желобчатых абразива, шлифовальную плитку, листовидные наконечники стрел, клиновидный микронуклеус, отщепы с ретушью, а также три крупных обломка поделочного камня. Основываясь на пространственном распределении находок, Н. Н. Диков предполагал, что сумки № 4 и 5 были помещены в могильную яму уже после совершения погребального обряда.

Сопоставление состава кладов и «охотничьих сумок» из погребений слоя VI обнаруживает их значительное сходство. Несмотря на различие археологического контекста – клады размещены в ямах и тайниках в жилищах и зоне межжилищных пространств, а «сумки» приурочены к погребальным комплексам, – обе группы объектов содержат целенаправленно отобранные наборы предметов, отражающие различные стороны хозяйственной деятельности. В их составе представлены как элементы производственных стратегий (преформы, клиновидные нуклеусы, абразивы для расщепления и шлифовки, орудия), так и охотничий инвентарь (наконечники, абразивы для обработки органических деталей метательного вооружения). Присутствуют также материалы, которые на поселении могли использоваться как в ритуальных, так и в утилитарных целях (например, сырье для охры). При этом если содержимое кладов, как правило, достаточно специализировано в хозяйственном отношении, то «охотничьи сумки» из погребений отличаются большим разнообразием. Они включают охотничьи наборы (самостоятельно или в сочетании с производственным инвентарем – нуклеусами, микропластинами) и почти всегда содержат неутилитарные предметы: подвески, кусочки поделочного камня или гематит. Примечательно, что отдельные клады по своему составу практически идентичны «сумкам» из погребений.

В целом верхнепалеолитические клады поздней ушковской культуры отражают сложную систему депонирования каменного инвентаря, включающую несколько функциональных уровней: от запасов сырья и полуфабрикатов до производственных и охотничьих наборов. Такие депозиты позволяли группам минимизировать транспортировку сырья и обеспечивали возможность быстрого развертывания каменного производства и хозяйственной активности при повторных посещениях опорных сезонных стоянок. Такая структура деятельности демонстрирует стратегию ландшафтного хранения ресурсов, характерную также для высокоподвижных охотничьих коллективов позднего плейстоцена Северной Америки. Концентрация на одном памятнике кладов различных типов позволяет рассматривать поселение к. с. VI памятника Ушки I как ключевой узел в системе сезонных миграций древнего населения Камчатки в эпоху финального верхнего палеолита.

Список литературы

- Барков А. В., Колесник А. В.** Клад микропластин из позднепалеолитического слоя стоянки Стрелка-1 в Красноярске // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 7: Археология и этнография. С. 73–84.
- Гиря Е. Ю., Акимова Е. В., Харевич В. М., Стасюк И. В.** Клад каменных орудий с позднепалеолитической стоянки Притубинск I // Изв. ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 24–43.
- Деревянко А. П., Рыбин Е. П.** Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3. С. 27–50.
- Диков Н. Н.** Верхний палеолит Камчатки // СА. 1969. № 3. С. 93–109.
- Диков Н. Н.** Новейшие исследования палеолита на Колыме и Камчатке и проблема первоначального заселения Американского континента // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. Магадан: СВКНИИ АН СССР, 1976. С. 165–182.

- Диков Н. Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. М.: Наука, 1977. 319 с.
- Диков Н. Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1979. 352 с.
- Диков Н. Н.** Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1993. 68 с.
- Диков Н. Н., Кононенко Н. А.** Результаты трасологического исследования клиновидных нуклеусов из шестого слоя стоянок Ушки I–V на Камчатке // Древние памятники Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. С. 170–175.
- Кирьяк (Дикова) М. А.** Каменный век Чукотки (новые материалы). Магадан: Кордис, 2005. 254 с.
- Колесник А. В.** Портативные кремневые «клады-приношения» каменного века и энеолита. Аспект Юго-Восточной Украины // Донецкий археологічний збірник. 2012. № 16. С. 29–46.
- Колесник А. В.** Ранцевые наборы кремневых изделий каменного века как отражение феномена индивидуальности (к постановке вопроса) // Вестник Моск. университе-та. Серия ХХІІІ. Антропология. 2016. № 2/2016. С. 121–127.
- Кренке Н. А., Леонова Е. В., Мелекесцев И. В., Певзнер М. М.** Новые данные по стратиграфии Ушковских стоянок в долине р. Камчатка // РА. 2011. № 3. С. 14–24.
- Леонова Н. Б., Виноградова Е. А.** Специфические скопления культурных остатков на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка 2 // Проблемы археологии эпохи камня. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 88–98.
- Мандрыка П. В., Гурулев Д. А., Голубева Е. В., Вдовенкова М. В.** Клады эпохи неолита на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 78–91.
- Табарев А. В.** Расщепление микроклиновидных нуклеусов (гипотеза использования портативных приспособлений в каменном веке Северо-Восточной Азии) // Антропоген, палеоантропология, геoarхеология, этнология Азии. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 172–187.
- Табарев А. В.** Клады каменных изделий в комплексах изначального дзёмона, Японский архипелаг // Тихоокеанская археология. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. Вып. 20: Горизонты тихоокеанской археологии. С. 18–46.
- Федорченко А. Ю.** Каменные украшения в палеолитических комплексах Камчатки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2025. 30 с.
- Федорченко А. Ю., Белоусова Н. Е.** Верхний палеолит Камчатки: основные результаты исследований 1980-х – начала 1990-х годов и актуальные проблемы на современном этапе // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 1. С. 305–339.
- Gómez Coutouly Y.** Industries lithiques à composante lamellaire par pression du Nord Pacifique de la fin du Pléistocène au début de l’Holocène: Thèse de doctorat en Préhistoire. Paris: Uni. Paris Ouest Nanterre La Défense, 2011. 628 p.
- Tabarev A. V., Ivanova D. A., Kanomata Y.** Knap and Keep: Late Palaeolithic-Neolithic Caches, Far East // Documenta Praehistorica. 2021. Vol. 48. P. 2–11.
- Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyy D., Bar-Yosef O., Weinstein-Evron M.** Design and Performance of Microlith Implemented Projectiles during the Middle and the Late Epipaleolithic of the Levant: Experimental and Archaeological Evidence // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. P. 368–388.

Список источников

- Диков Н. Н.** Отчет о полевых археологических исследованиях на Камчатке в 1962 году (Магадан, 1963) // Архив СВКНИИ ДВО РАН. № 245. 31 с.

- Диков Н. Н.** Отчет о полевых исследованиях на Колыме (в зоне затопления водохранилищем Колымской ГЭС) и на Камчатке в 1971 году (Магадан, 1972) // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 4638. 55 с.
- Диков Н. Н.** Отчет о полевых археологических исследованиях на Камчатке и Колыме в 1973 году (Магадан, 1974) // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 5287. 70 с.
- Диков Н. Н.** Отчет о полевых археологических исследованиях на Чукотке и Камчатке в 1979 году (Магадан, 1980) // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 7592. 118 с.
- Диков Н. Н.** Отчет о полевых исследованиях на Чукотском полуострове и Камчатке в 1983 году (Магадан, 1984) // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 9243. 126 с.

References

- Barkov A. V., Kolesnik A. V.** Klad mikroplastin iz pozdnepaleoliticheskogo sloya stoyanki Strelka-1 v Krasnoyarske [A Microplate Cache from the Late Paleolithic Layer of the Strelka-1 Site in Krasnoyarsk]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 73–84. (in Russ.)
- Derevyanko A. P., Rybin E. P.** Drevneishee proyavlenie simvolicheskoi deyatel'nosti drevnego cheloveka na Gornom Altae [The Earliest Evidence of Symbolic Activity of Ancient Humans in the Altai Mountains]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 2003, no. 3, pp. 27–50. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Arkheologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki, Verkhnei Kolymy [Archaeological Sites of Kamchatka, Chukotka and the Upper Kolyma]. Moscow, Nauka, 1977, 319 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Drevnie kultury Severo-Vostochnoi Azii (Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti) [Ancient Cultures of Northeast Asia (Asia at the Junction with America in Antiquity)]. Moscow, Nauka, 1979, 352 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Noveishie issledovaniya paleolita na Kolyme i Kamchatke i problema pervonachal'nogo zaseleniya Amerikanskogo kontinenta [Recent Research on the Paleolithic of Kolyma and Kamchatka and the Problem of the Initial Peopling of the American Continent]. In: *Ekonomicheskie i istoricheskie issledovaniya na Severo-Vostoke SSSR [Economic and Historical Studies in the Northeast of the USSR]*. Magadan, SVKNII AN SSSR Publ., 1976, pp. 165–182. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Paleolit Kamchatki i Chukotki v svyazi s problemoi pervonachalnogo zaseleniya Ameriki [The Paleolithic of Kamchatka and Chukotka in Relation to the Problem of the Initial Peopling of America]. Magadan, SVKNII FEB RAS Publ., 1993, 68 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Verkhniy paleolit Kamchatki [The Upper Paleolithic of Kamchatka]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1969, no. 3, pp. 93–109. (in Russ.)
- Dikov N. N., Kononenko N. A.** Rezultaty trasologicheskogo issledovaniya klinovidnykh nukleusov iz shestogo sloya stoyanok Ushki I–V na Kamchatke [Results of a Traceological Study of Wedge-Shaped Cores from Layer VI of the Ushki I–V Sites in Kamchatka]. In: *Drevnie pamyatniki Severa Dalnego Vostoka [Ancient Sites of the North of the Russian Far East]*. Magadan, SVKNII DVO AN SSSR Publ., 1990, pp. 170–175. (in Russ.)
- Fedorchenko A. Yu.** Kamennye ukrasheniya v paleoliticheskikh kompleksakh Kamchatki [Stone Ornaments in Paleolithic Complexes of Kamchatka]. Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 2025, 30 p. (in Russ.)
- Fedorchenko A. Yu., Belousova N. E.** Verkhniy paleolit Kamchatki: osnovnye rezul'taty issledovaniy 1980-kh – nachala 1990-kh godov i aktual'nye problemy na sovremennom etape [The Upper Paleolithic of Kamchatka: Main Results of Research in the 1980s – Early 1990s and Current Issues]. *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 2020, no. 1, pp. 305–339. (in Russ.)

- Girya E. Yu., Akimova E. V., Kharevich V. M., Stasyuk I. V.** Klad kamennykh orudii s pozdne-paleoliticheskoi stoyanki Pritubinsk I [A Cache of Stone Tools from the Late Paleolithic Site Pritubinsk I]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya, Etnologiya, Antropologiya* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology], 2018, vol. 23, pp. 24–43. (in Russ.)
- Gómez Coutouly Y.** Industries lithiques à composante lamellaire par pression du Nord Pacifique de la fin du Pléistocène au début de l'Holocène: Thèse de doctorat en Préhistoire. Paris, Uni. Paris Ouest Nanterre La Défense, 2011, 628 p.
- Kiryak (Dikova) M. A.** Kamennyi vek Chukotki (novye materialy) [The Stone Age of Chukotka (New Materials)]. Magadan, Kordis Publ., 2005, 254 p. (in Russ.)
- Kolesnik A. V.** Portativnye kremnevye “klady-prinosheniya” kamennogo veka i eneolita. Aspekt Yugo-Vostochnoi Ukrainy [Portable Flint “Caches-Offerings” of the Stone Age and Eneolithic: The Southeast Ukraine Aspect]. *Donetskii arkheologicheskii sbornik* [Donetsk Archaeological Collection], 2012, no. 16, pp. 29–46. (in Russ.)
- Kolesnik A. V.** Rantsevye nabory kremnevyykh izdelii kamennogo veka kak otrazhenie fenomena individualnosti (k postanovke voprosa) [Backpack Sets of Flint Artifacts of the Stone Age as a Reflection of the Phenomenon of Individuality (A Problem Statement)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin. Series 23. Anthropology], 2016, no. 2, pp. 121–127. (in Russ.)
- Krenke N. A., Leonova E. V., Melekestsev I. V., Pevzner M. M.** Novye dannye po stratigrafii Ushkovskikh stoyanok v doline r. Kamchatka [New Data on the Stratigraphy of the Ushki Sites in the Kamchatka River Valley]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2011, no. 3, pp. 14–24. (in Russ.)
- Leonova N. B., Vinogradova E. A.** Spetsificheskie skopleniya kulturnykh ostatkov na verkhne-paleoliticheskoi stoyanke Kamennaya Balka 2 [Specific Concentrations of Cultural Remains at the Upper Paleolithic Site Kamennaya Balka 2]. In: Problemy arkheologii epokhi kamnya [Problems of Stone Age Archaeology]. St. Petersburg, SPbSU Press, 2014, pp. 88–98. (in Russ.)
- Mandryka P. V., Gurulev D. A., Golubeva E. V., Vdovenkova M. V.** Klady epokhi neolita na komplekse Prospikhinskaya Shivera IV v Nizhnem Priangar'e [Neolithic Caches at the Prospikhinskaya Shivera IV Complex in the Lower Angara Region]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 78–91. (in Russ.)
- Tabarev A. V.** Klady kamennykh izdelii v kompleksakh iznachal'nogo dzyomona, Yaponskii arhipelag [Caches of Stone Artifacts in Initial Jomon Complexes, Japanese Archipelago]. In: Tikhookeanskaya arkheologiya [Pacific Archaeology]. Vladivostok: Far Eastern Federal Uni. Press, 2011, iss. 20: Horizons of Pacific Archaeology, pp. 18–46. (in Russ.)
- Tabarev A. V.** Rasshcheplenie mikroklinovidnykh nukleusov (gipoteza ispol'zovaniya portativnykh prisposoblenii v kamennom veke Severo-Vostochnoi Azii) [Reduction of Micro-Wedge-Shaped Cores (Hypothesis of the Use of Portable Devices in the Stone Age of Northeast Asia)]. In: Antropogen, paleoantropologiya, geoarkheologiya, etnologiya Azii [Anthropogenesis, Paleoanthropology, Geoarchaeology and Ethnology of Asia]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2008, pp. 172–187. (in Russ.)
- Tabarev A. V., Ivanova D. A., Kanomata Y.** Knap and Keep: Late Palaeolithic – Neolithic Caches, Far East. *Documenta Praehistorica*, 2021, vol. 48, pp. 2–11.
- Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyy D., Bar-Yosef O., Weinstein-Evron M.** Design and Performance of Microlith Implemented Projectiles during the Middle and the Late Epipaleolithic of the Levant: Experimental and Archaeological Evidence. *Journal of Archaeological Science*, 2010, vol. 37, pp. 368–388.

List of Sources

- Dikov N. N.** Otchet o polevykh arkhеologicheskikh issledovaniyakh na Chukotke i Kamchatke v 1979 godu (Magadan, 1980) [Report on Archaeological Fieldwork in Chukotka and Kamchatka in 1979 (Magadan, 1980)]. In: Arkhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]. F. 1. R. 1. No. 7592. 118 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Otchet o polevykh arkhеologicheskikh issledovaniyakh na Kamchatke v 1962 godu (Magadan, 1963) [Report on Archaeological Fieldwork in Kamchatka in 1962 (Magadan, 1963)]. In: Arkhiv SVKNII DVO RAN [Archive of the NEISRI FEB RAS]. No. 245. 31 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Otchet o polevykh arkhеologicheskikh issledovaniyakh na Kamchatke i Kolyme v 1973 godu (Magadan, 1974) [Report on Archaeological Fieldwork in Kamchatka and Kolyma in 1973 (Magadan, 1974)]. In: Arkhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]. F. 1. R. 1. No. 5287. 70 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Otchet o polevykh issledovaniyakh na Chukotskom poluostrove i Kamchatke v 1983 godu (Magadan, 1984) [Report on Fieldwork on the Chukchi Peninsula and Kamchatka in 1983]. Arkhiv IA RAN [Archive of the IA RAS (Magadan, 1984)]. F. 1. R. 1. No. 9243. 126 p. (in Russ.)
- Dikov N. N.** Otchet o polevykh issledovaniyakh na Kolyme (v zone zatopeniya vodokhranilishchem Kolymskoy GES) i na Kamchatke v 1971 godu (Magadan, 1972) [Report on Fieldwork on the Kolyma (in the Flood Zone of the Kolyma Hydropower Reservoir) and Kamchatka in 1971 (Magadan, 1972)]. In: Arkhiv IA RAN [Archive of the IA RAS]. F. 1. R. 1. No. 4638. 55 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Александр Юрьевич Федорченко, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57189367702

WoS Researcher ID D-5485-2016

Наталья Евгеньевна Белоусова, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57191634232.

WoS Researcher ID R-2153-2016

Екатерина Владимировна Левина

Scopus Author ID 58244431000

Information about the Authors

Alexander Yu. Fedorchenko, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57189367702

WoS Researcher ID D-5485-2016

Natalia E. Belousova, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57191634232.

WoS Researcher ID R-2153-2016

Ekaterina V. Levina

Scopus Author ID 58244431000

Статья поступила в редакцию 12.09.2025;

одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 09.12.2025

The article was submitted on 12.09.2025;

approved after reviewing on 09.12.2025; accepted for publication on 09.12.2025